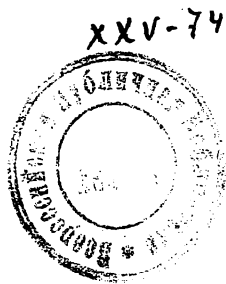

W 388
278

Г. ГОСЛАР.

СОВРЕМЕННАЯ А М Е Р И К А

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
ЕВГЕНИЙ БАК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЕТРОГРАД“
ЛЕНИНГРАД—МОСКВА

1925

водворение всех негров в Африку (предприятие, обреченное на провал, ввиду противодействия Англии, технических трудностей его осуществления, и сильной нужде в черных рабочих, особенно на юге федерации).

2) Концентрация всей массы негров в одном из южных штатов, в пределах которого они бы пользовались всей полнотою формальных и практических гражданских прав (исход, небезопасный для Вашингтона, ввиду мексиканского вопроса и по иным соображениям внешней политики).

3) Последний исход—восстановление рабства (немыслимое без кровавой борьбы и всемирного позора).

Итак, Вашингтону не помогут никакие grimасы—придется проглотить пилюлю. Надо приступить быстрым темпом к полной эмансипации негров и систематически превратить путем перевоспитания этой 11-миллионной массы в духовно-полноценных, культурно-равноценных и политически-равноправных американских граждан. Правда, общественное равноправие диктуется не только правительственными мероприятиями. Даже, когда ослабнет агрессивная расовая борьба, оно будет достижением будущего. Но это вопрос второстепенный. Главное для Америки—дать участие своим чернокожим подданным в общественной и созидательной работе страны, сделав их полноправными, активными гражданами, и тем стерев с лица земли крупную несправедливость.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

„Сухая Америка“.

В трех милях от Нью-Йоркской гавани лица американских пассажиров на пароходе омрачаются досадой, лица же европейских выражают удивление. Пароходная прислуга деловито убирает со столов бутылки с винами и сладкими ликерами, а служащий бара, разливающий знаменитую Whisky-Soda, спускает рукава своей рубахи. Его миссия окончена: мы вступили в сферу, где действует „Prohibition Bill“, „запретительный закон“. Европейец вопросительно поднимает брови. Он когда-то смутно слышал, что во время путешествия по Америке в удобном пудмановском вагоне, при переезде границы какого-нибудь штата рука чернокожего официанта внезапно убирает бутылку пива, стоящую перед прибором пассажира, чтобы через несколько часов, миновав опасный штат, с одобрительной улыбкой водворить ее на место. Но больше ему ничего не известно: что во время войны американский народ окончательно „осушил“ свою страну, решительно объявив поход против алкоголя—эта возможность в таком масштабе не приходила ему в голову.

После высадки на сушу и посещения отелей и ресторанов, европейцу бросается в глаза непривычное отсутствие высоких рюмок, наполненных рубиново-красным или золотисто-желтым вином, и баттарей бутылок, выстроенных на столах и буфетных прилавках. Изумленный этим не всегда приятным сюрпризом, он видит

за своей тарелкой лишь большой стакан воды, в котором ныряет и плавает маленький кусок льда. Пьют также ароматное бобовое кофе, ледяное молоко или фруктовые коктейли, насыщенные сочностью и благоуханием роскошных плодовых растений калифорнийского рая. Но нет ни вина, ни настоящего пива, ни водки: лишь жиденький 1% пивной суррогат (словно в насмешку названный „золотом Рейна“ и напоминающий о мрачных временах, когда в Германии пили военного производства „Einheitsbier“) должен утешить нас в нашем сокрушении об исчезнувшем великолепии. Если, однако, зайти в частные дома состоятельных американцев, картина нередко меняется. Ибо демон алкоголя, по всей видимости пораженный на смерть законом, продолжает, однако, влачить нелегальное существование в виде жалкой тени своего бывшего величия.

У нас во время нормирования продуктов припрятавали яйца, муку и масло. В Америке в состоятельных домах хозяин, многозначительно посмеиваясь, вводит гостя в „святую святых“ и, подмигивая, указывает на шкаф с вином и ликером. Кто может себе это позволить—потребляет тайком ввозимые из Канады вина, в высокую цену которых входит процент контрабандисту за риск. Многие замаскированные винные грузы прибывают прямым морским путем из Англии, Франции и Испании, хотя часто вылавливаются пронырливыми „сухими“ агентами, по донесению которых—уничтожаются. Специально с этой целью снаряженные флотилии курсируют перед гаванью в розысках алкоголя. Но несмотря на все, поздно вечером, в веселых ресторанах с танцами можно видеть, как один за другим посетители извлекают из кармана и осушают без зазрения совести бутылки виски; точно так же, как в некоторых ресторанах можно, соблюдая необходимые предосторожности, велеть незаметно подать себе в кофейной чашке превосходное виски. Иные же, многочисленные семьи покупают калифорнийский виноград и сами с наивным удовлетворением изготавливают по более или менее безобидным рецептам домашний напиток, винный или виноподобный.

Зато исчезли тысячи и тысячи изобиловавших на этой обширной площади „Saloons“, завсегдатаи которых сидели часами в тупом оцепенении, вытянув ноги на стол или стулья, и, по английскому обычаю, не проглатывая, а вливая в свои бездонные желудки целые потоки пива. Точно так же исчезло и бесконечное множество трактиров, где перед заключением всякой сделки полагалась неизбежная выпивка. Исчезли, а это самое главное, стимулы к пьянству, искушение, подстерегавшее на каждом углу рабочего, получившего недельный заработок. Ныне алкоголь более не призывает, не привлекает слабо сопротивляющегося в свои сети. Надо за ним бегать, раздобывать его за высокую цену из-под полы, под страхом быть уличенным, пристыженным и наказанным. Многие, как сказано, хранят еще винные запасы в собственных квартирах, но так как никому не придет в голову спиваться в своих четырех стенах, как это делалось в шумном кабаке, где посетители щеголяли друг перед другом своим умением выпить и набитым кошельком, то эти домашние кладовые сравнительно безвредны. Так как речь идет о вопросе, с которым европеец до сих пор либо вовсе не сталкивался, либо знакомился лишь по газетным фельетонам, в то время, как он для всех культурных наций представлял собою интерес, по меньшей мере, значительного эксперимента, то мне хочется обстоятельней остановиться на возникновении и действии билля, отменившего спиртные напитки (Prohibition Bill).

Prohibition Bill—не случайное явление текущего столетия, не скороспелый плод предвыборного маневра; борьба за его принципы не сегодня объявлена; необходимость противодействия чрезмерному потреблению алкоголя была признана почти так же давно, как возникло в стране это бедствие, т.-е. с первых страниц истории белых в Америке.

Пусть в Южной Америке хранители древних высоких культур, как, например, инки, употребляли пальмовое вино и, таким образом, по крайней мере во время религиозных празднеств и церемоний, ввели алкоголь. Зато в северной части материка, особенно на нынешней

территории Соединенных Штатов, жило трезвое краснокожее население, кормившееся охотой и рыболовством, и не знавшее соблазна алкоголя. Известно, какие опустошения произвела среди индейцев „огненная вода“, от которой в короткое время выродились и вымерли краснокожие обитатели этой обширной области; уцелели жалкие остатки. Всюду европейцы, вступая на берег Нового Света, помимо креста и меча приносили третий дар—алкоголь, который они расточали гостеприимным, доверчивым, безобидным племенам краснокожих. С этого началась и история Нью-Йорка—жемчужины современной Америки. Когда Гудсон (чьим именем окрещен широкий залив, омывающий Нью-Йоркскую бухту) причалил к американскому берегу вместе со своей парусной флотилией, он наткнулся на группу мирно удивших рыбу индейцев.

Быстро заключенная с ними дружба была столь внушительно подкреплена „огненной водой“, что один из опьяневших туземцев тут же свалился замертво. Когда же он к великому изумлению своих соплеменников после отравления алкоголем пришел в себя, он рассказал, что пережил ощущение райского блаженства. Далее хроника „сухо“ повествует, что „все индейцы последовали его примеру“.

Картина несомненно эффектная: Генри Гудсон, при славном вступлении в новооткрытую для его величества короля Великобритании страну, шествует по телам бесчувственно-пьяных краснокожих. Предание утверждает, что от этого забавного случая происходит имя Мангаттана, на туземном языке «Manahachta nieuk», что означает: „земля, на которой мы все опьянели“. С тех пор Мангаттан так и остался „пьяным“ клочком земли, и еще в 1623 г. голландская реформированная церковь здесь наложила запрет на алкоголь, ввиду „злоупотребления дурманящими напитками“.

Безудержное поглощение целых потоков алкоголя пришлыми разбойничьими шайками, колонистами и безвольно поддающимися искушению туземцами вскоре привело к губительным последствиям. Первые кровавые индейские войны в 1638 (The Pequod war) и в 1676 г.г.

(King Philips war) были очевидно результатом необузданной жадности индейцев к алкоголю, возбужденной белыми пришельцами. Но лишь в 1742 г. авторитетное учреждение, Верховный Суд в Массачузетте, решается воспретить употребление вина и рома при траурных торжествах. Это было вызвано тем, что на похоронах люди систематически напивались со всеми отсюда вытекающими последствиями; церковь же не вмешивалась. Не считая отдельных случаев, она выступила, как увидим дальше, лишь значительно позже, но зато со всей энергией.

Общий интерес представляют первые шаги капитала в деле коммерческого использования алкоголя. По мнению современного американского писателя, борющегося с алкоголизмом Черрингтона, позор торговли неграми частично падает еще в 18 веке на производителей алкоголя. Черрингтон пишет:

„Можно без преувеличения сказать, что торговля рабами должна быть приписана стремлению некоторых колонистов начала 18 века к приобретению и закреплению иноземных рынков для сбыта американских крепких напитков. Распространение, которого этот сбыт достиг в первой половине 18 столетия, видно из того, что в 1734 г. из колонии на Rhode Island было отправлено к берегам Африки 18 кораблей, нагруженных ромом и на обратном пути привезших в обмен черных невольников“.

Таким образом, господа колонисты (надо думать, не на одном вышеприведенном острове) поставляли негритянским королям водку и требовали от „отцов племени“ расплаты живым товаром.

Некоторое время в Георгии продержался закон, воспрещавший ввоз водки и скрепленный соответствующим узаконением английского парламента (в 1735 г.). Еще ранее (в 1619 г.) в Виргинии, наряду с игрой в карты и в кости, подлежало наказанию и пьянство. Но к 1792 г. вновь функционировало 2,579 водочных заводов, поставлявших 5,2 миллионов галлонов (галлон — 4 л. 54 сант.) алкогольных напитков, не считая ввоза 4½ миллионов галлонов спиртных напитков и 1,3 миллионов галлонов вина. Это происходило как раз в то

время, когда государство впервые задумало использовать потребление алкоголя, как статью дохода. Конгресс Соединенных Штатов установил налог в 11 центов на каждый галлон ввозимых спиртных напитков. В ответ на это в западной Пенсильвании вспыхнул настоящий мятеж, усмирённый лишь когда по приказу президента против бунтующих потребителей алкоголя и противников объявленного налога выступил отряд в 1.500 солдат—поход, обошедшийся правительству в 1½ миллиона долларов.

В 19 столетии церковь постепенно вступила в борьбу с алкоголизмом методистов, пресвитерианцев, баптистов и других религиозных течений. Пресвитерианцы в продолжение трех лет обсуждали свою позицию в этом вопросе; в результате, в 1812 году пресвитерианскому духовенству была дана инструкция упорной борьбы с пьянством. Рука об руку с церковью возникли первые общества трезвости. Между 1826 и 1833 г.г. „American Temperance Society“ подняла целое народное движение трезвенников, охватившее 5.000 местных организаций с общим числом членов в 1½ миллиона. Подобные же общества возникали во всех частях страны, как, напр., союз „Sons of Temperance“ („сыновья трезвости“) и студенческие союзы трезвости. Борьбу против алкоголя начали систематически переносить в среду самого населения. Сравнительно поздно активно выступили американские женщины, хотя именно они являлись наиболее страждущим и заинтересованным элементом при семейном распаде, вызываемом алкоголизмом; в 1875 г. начался „крестовый поход женщин“ и возникли женские общества трезвости во главе с „Womans Christian Temperance Union“ (Женский христианский союз трезвости), Лига трезвенников, которые проявляли энергичную деятельность, главным образом, при выборах президента, когда они у избирательных урн агитировали за трезвость и за избирательные права женщин. Отдельные штаты также начали борьбу. И в Огайо еще в 1882 г. сторонники „билля трезвости“ одержали победу 323.000 голосов против 241.000., Вопрос о воспрещении алкоголя стал, таким образом

предметом страстных дебатов и после долголетней борьбы был доведен до победы. Целый ряд штатов принял антиалкогольные постановления. Опираясь на благоприятный опыт „осушенных штатов“, трезвенники, вначале 20 века, добились принятия „вотума трезвости“ палатой депутатов; наконец, 3 декабря 1917 г. была достигнута окончательная победа. Сенат и палата депутатов приняли, в качестве „поправки к федеративной конституции“ (т. - е. в качестве ее основного закона, подлежащего отмене лишь абсолютным большинством голосов), нижеследующий краткий текст:

1) В годичный срок, считая с момента ратификации настоящего текста, в пределах всей страны воспрещается изготовление, продажа и транспорт крепких напитков, а равно их ввоз и вывоз за границу.

2) Конгресс и штаты уполномачиваются ввести в действие предыдущий параграф.

3) Пункт первый недействителен, если он не будет законодательным путем включен в конституции всех отдельных штатов в течение семи лет с нынешнего числа.

К 25 февраля 1919 г. последний 45 штат—Пенсильвания, согласно третьему параграфу, узаконил это постановление.

Prohibition Bill был таким образом ратифицирован.

Каковы же были последствия этого „сухого билля“ для страны и народа? Довольно ли неполных трех лет, чтобы вывести суждение, которое для евгеники, общественной гигиены, народного хозяйства и уголовного права представило собой нечто большее, чем общее место и субъективное впечатление? Я приложил все старания, чтобы ознакомиться с обширным материалом, цифровыми данными, которые лига трезвенников—„Anti-Saloon League“—собрала со всех концов страны и обнародовала в книгах, брошюрах, статьях и листовках. Мне помог в этом один из руководителей лиги, почтенный Corrodini, проводивший свои студенческие годы в Германии и стремящийся использовать данные немецкой науки для антиалкогольного движения. Он позаботился о том, чтобы ни одно важное сведение от меня

не ускользнуло. Я приведу несколько примеров из обширного статистического материала, с которым ознакомился.

Вполне понятно, что в стране, где алкоголь истреблялся не столько в виде вина, сколько в виде тяжелого, густого пива и крепкой водки, преступления и проступки в состоянии опьянения занимали видное место в криминальной статистике. Естественно, что после проведения „Prohibition Bill“ не только на бумаге, но и в жизни кривая многих преступлений падает. В каких пределах билль вошел в практику—об этом говорят цифры.

Число полицейских арестов за нетрезвое состояние в шестидесяти городах федерации:

	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
	«сухой» первый.			
Число арестов	316.842	260.169	172.659	109.768
из них:				
В Нью-Йорке	16.311	8.795	7.028	7.804
„ Бостоне	73.393	54.948	35.540	21.800
„ Филадельфии	43.040	34.655	23.613	20.410
„ Питсбурге (тяжелая индустрия) . .	28.935	23.556	14.304	9.577
„ Сан-Франциско . .	14.725	15.437	11.288	2.257

В 1921 и 1922 г.г. во многих местностях снова наблюдается небольшой подъем ранее столь резко упавшей кривой. Но это лишь признак того, что многие упорствующие противники билля сумели за этот промежуток окольными путями раздобыть излюбленные напитки. Остальные данные о трезвости страны довольно противоречивы; но безразлично, составляет ли уменьшение арестов за пьянство против прежних годов 80%, как в 7 крупных городах Иллинойса (исключая Чикаго), или от 30% до 70%, как во многих других штатах—очевидно одно: всюду число пьяных быстро и сильно сократилось, но нигде не удалось совершенно приостановить потребления алкоголя и проявления его послед-

ствий. В связи с ослаблением пьянства уменьшилось количество арестов за бродяжничество (хотя здесь играют большую роль также состояние рынка труда); уменьшилось и число заключенных в исправительных заведениях и домах принудительных работ. В домах заключения Филадельфии, через 9 мес. после введения „билля трезвости“—1.100 камер оказались пустующими, а средняя ежедневная численность заключенных упала с 2.000 до 474 чел. (в марте 1920 г.). Исправительная тюрьма в Чикаго насчитывала 1 апреля 1920 г. 600 осужденных вместо 2.500 (ровно годом раньше). Средняя ежедневная заполненность большого дома принудительных работ в Колумбии падала в такой последовательности:

1913/1917 г.г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
640	373	433	334

Такую же картину представляют донесения губернаторов, муниципальных и полицейских властей различных штатов. Число задержанных в „рабочих домах“ привычных алкоголиков, находящихся вечно в конфликте с законом—везде сократилось вдвое, если не больше. Это—только начало, и успех очевиден, но в виду того, что полный контроль над потреблением и злоупотреблением крепких напитков не может быть достигнут государственными органами на колоссальной территории, трудно рассчитывать на полное искоренение „алкогольных преступлений“. Тем не менее, помимо убежденных губернаторов - трезвенников, прошедших голосами антиалкоголиков и вдохновенно телеграфирующих о понижении преступности на 70% после введения билля—сама жизнь указывает на сравнительную редкость преступлений, убийств, ночных налетов, разбойничьих нападений, похищений автомобилей, карманных краж. В городах Буффало и Датройт в 1920 г. число подобных проступков, по сравнению с 1919 г., упало на 27%. Мангаттанская судебная палата (Court of general Sessions), выносящая приговоры по наиболее тяжким преступлениям, в 1919 г. разобрала 5.114 дел, в то

время, как в 1920 г., несмотря на увеличение числа жителей, в ней слушалось только 4.748 дела. В Нью-Йорке статистика четырех главных видов преступлений, при непрерывно растущем населении, представляет следующие данные:

	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Убийств	222	186	236	223	224	190
Нападений	3.203	3.466	2.591	2.354	2.537	2.587
Ограблений	849	886	864	849	1.133	1.007
Ночных краж.	11.611	9.893	9.450	7.412	7.398	6.830
	15.885	14.431	13.141	10.838	11.292	10.614

В Кливеленде (штат Огайо) в 1917 г., при 728 тысячах обитателей, было осуждено 90 убийц, а в 1920 г. при 800.000 жителей—87. Далее, в 1917 г. там насчитывалось 1.952 ночных взлома, 656 мелких краж и 1.256 ограблений; в 1920 г. соответствующих преступлений зарегистрировано: 1.349 (вместо 1.952), 191 (вместо 656) и 928 (вместо 1.256). Штат Кентукки отметил в группе от июля до сентября 1918 г. (последнего „мокрого“, т.-е. пьяного года) 5.264 арестанта; в тех же городах, за такой же промежуток времени, в „сухом“ 1919 г. их содержалось в заточении всего 1.234. Среди богатого материала больничной статистики я ознакомился с отчетом больничной комиссии штата Нью-Йорк: из всех поступивших в ее ведение больных, в 1908 г. оказалось 10,8% заболевших на почве алкоголизма. Эта цифра в 1919 г., после введения запретительного билля, пала до 4% (а в 1921 г. до 1,9%). По заявлению частной лечебницы для душевно-больных в 1916 г. было доставлено 574 пациента, страдавших „алкогольным психозом“. В 1917 г.—530, в 1918 г.—506, в 1919 г. по истечении „сухого“ полугодия—446, а в 1920 г.—237. Государственный госпиталь в Буффало недавно сообщил, что в виду резкого сокращения числа алкоголических заболеваний имеется возможность передать лишние кровати соответствующего отделения в палаты туберкулезных. Это—факт огромного значения для страны, в среде

многочисленного рабочего и промышленного населения которой туберкулез свил себе прочное гнездо.

В отношении общественного благополучия последствия трезвости неопровержимы. Констатируется возрастающее потребление молока; сообщается о сбережениях и благосостоянии народа. Наблюдается упрочение и облагораживание семейных устоев, а также повышение уровня нравственности и гигиены во многих семьях. Огромной важности несомненная убыль катастроф на различных работах. До сих пор Соединенные Штаты, в среднем, ежегодно насчитывали 500.000 несчастных случаев среди фабричных рабочих, при чем от 30.000 до 50.000 имели смертельный исход. Американец, привыкший все в мире переводить на деньги, оценивает годовой убыток, причиняемый государству временной или окончательной потерей этих 500.000 рабочих сил, в 250 миллионов долларов, если не больше. Все исследования по этому вопросу говорят о немалой роли алкоголя при несчастных случаях; по утверждению немецкой статистики—минимум 7% всех увечий рабочих следует отнести на счет алкоголизма. Если бы Америке, строгим соблюдением трезвости, удалось уменьшить фабричные катастрофы хоть на такой %—она бы этим спасла здоровье 35.000 людей в год, что было бы достижением с точки зрения человечности и государственного хозяйства.

„Prohibition Bill“, несомненно, оказал некоторое влияние и в смысле уменьшения смертности. Несмотря на случаи потери зрения и смерти от ядовитого древесного спирта, широко распространяемого темными элементами и унесшего в новогоднюю ночь 1921—1922 г.г. в одном Нью-Йорке 17 жертв, все же количество мужчин и женщин, напивающихся буквально „до смерти“, сильно уменьшилось. В Денвере (штат Колорадо), где прежде каждый год насчитывалось от 25—50 смертей от алкоголя в 1917 г. зарегистрировано лишь 8 таких случаев, в 1918 г.—6, а в 1919—всего 1. Городской голова города Датройт, где „Prohibition Bill“ был введен 1 мая 1918 г.—уже в апреле 1919 г. сообщает о понижении „пьяной смерти“ с 92 до 17-жертв. В Бостоне с 1 июля 1919 г. отмечено уменьшение алко-

гольной смертности на 50%, самоубийств на 35% и несчастных случаев на 40%. В Нью-Йорке непосредственно и косвенно скончалось от потребления крепких напитков: в 1916 г.—687 человек, в 1917 г.—560, в 1918 г.—252, в 1919 г.—176, а в 1920 г. всего 98. В Чикаго за тот же промежуток времени также заметно ослабление „алкогольной смертности“ (вместо 245—46 случаев). В Филадельфии вместо 187—11. В 14 крупных городах (включая упомянутые) годовая смертность от алкоголя с 1916 по 1920 г. пала на 84%. Существует специальный материал о детской смертности, недостаточно впрочем обработанный, чтобы вывести из него окончательные заключения. Надо, однако, признать, что цифра смертности младенцев до 1 месяца и до 1 года, хотя все еще велика, но, по сравнению с прошлым, указывает на значительное улучшение. Для будущего можно в этой области питать еще большие надежды. Ибо если, например, сообщение убежденного трезвенника, Денверского мэра, могло бы хоть отчасти распространиться на все прежде „повально пьяные“ местности—это выразилось бы и в падении детской смертности. Он пишет: „Многие хозяйства превратились (чего раньше никогда не бывало) в истинные семейные очаги. Члены семьи сыты и одеты; вместо прежнего унылого мрака в их среде—солнечный свет“.

Всюду, в виду отсутствия или, по крайней мере, трудности приобретения алкоголя, народ откладывает сбережения. Значительная их часть тратится на посещение театров и „движущихся картин“ (кинематографов) или расходуется на наряды. Американцы утверждают, что из 2 миллиардов долларов, ежегодно откладываемых населением со времени упразднения алкоголя, один вкладывается в постройку небольших домиков; если даже часть этой суммы отнести на счет американского оптимизма и несколько уменьшить цифру, то все же остается фактом, что многие семейства воздвигают себе прочные маленькие домики, чтобы вырваться из тесных, душных квартир, живя в которых отец, а нередко и мать оставляли свой заработок в кабаке. Не безинтересно и влияние „трезвого билля“ на финансовую

жизнь страны. Его сторонники приводят нижеследующее письмо одного биржевого дельца, с которым можно во многом согласиться:

„С воспрещением алкоголя внесен элемент разумного расчета в операции официальной биржи. Не приходится сомневаться, что многие покупки акций прежде совершались под свежим влиянием койтэйлей, выпитых перед ленчем, и окрасивших все перспективы в розовый цвет. Результатом бывало приобретение сомнительных бумаг, до которых в более вменяемом состоянии никто бы не притронулся. Ныне же, при господстве билля, покупатель дальновиден и осторожен. Он больше не покупает с разбега, только потому, что хватил лишнее. Он хочет каждый раз ознакомиться с общей конъюнктурой рынка и шансами приобретаемых акций, что для порядочного маклера, торгующего лишь надежными бумагами, гораздо приятнее. Алкоголь толкает на необузданные сделки. Покупка под влиянием минутного импульса никогда не бывает основательной. Всякий, приобретающий биржевые ценности, обязан перед самым собой предварительно с ними ознакомиться и может требовать такой же осмотрительности от своего банкира, если обращается к нему за информацией“.

Из различных городов сообщается также об уменьшении количества пожаров, из коих многие происходили от неосторожности или поджога под пьяную руку. В Бирмингеме статистикой установлено уменьшение числа пожаров с первого же года принятия билля.

Влияние билля на государственный бюджет особенно подчеркивается его приверженцами на примере Канзаса. За этим штатом в „пьяное время“ числился долг в 2 миллиона долларов; в ближайшее же время после „осушения“ он полностью выплатил долг до последнего сента; возвращенные векселя были с чисто американской помпой публично сожжены на торжественном костре, разведенном перед городским собором. Этот пример, однако, не слишком убедителен, так как платежеспособность обитателей, а вместе с тем и всего штата могла восстановиться и помимо билля. Но в отчете штата и это оговорено: „только под охра-

ной билля Канзас мог процветать; средний банковый вклад каждого жителя оказался больше, чем в любом ином штате“.

Губернатор Канзаса сообщает о своих наблюдениях: „Несомненно, „Prohibition Bill“ в Канзасе во всех областях оказал услугу, как населению всего штата, так и отдельным лицам. Его последствием явился рост домашнего комфорта и банковских частных текущих счетов. В участках и тюрьмах меньше преступников, чем когда-либо; преступность пала с тех пор, как запрещена торговля спиртными напитками. На каждом шагу вы встречаете подтверждение этих фактов. Штаты и общины, объявившие запрет на алкоголь, не питают ни малейшей охоты вернуться к старому“. Когда же в Новой Зеландии был поставлен на голосование вопрос о введении „билля трезвости“, то губернатор Канзаса, совместно с высшими чиновниками Канзаса, руководителями рабочего банка, сельско-хозяйственных, правовых и врачебных организаций, телеграфировал: „Канзас уж 38 лет под „алкогольным запретом“. Нет стремлений к возврату кабака. Законы трезвости нарушаются не больше, чем остальные. Деловые люди и банки единодушно признают „Prohibition Bill“ величайшим благодеянием. Все судьи верховного суда, государственные служащие, рабочие союзы, медицинские ассоциации, печать и 95% населения неизменно голосуют в пользу „Prohibition“. Я привожу этот отзыв потому, что в лице Канзаса речь идет о штате, не только (лишь в 1919 г.) принявшем федеративный запретительный билль, но уже имевшем в течение нескольких десятилетий свое собственное антиалкогольное законодательство. Как ни единодушны, однако, высказываемые мнения, как ни убеждены губернаторы и высшие должностные лица в правоте своих суждений, мы ни на минуту не должны забывать, до какой степени сильна тирания общественного мнения, зажимающая рот всем инакомыслящим, особенно принимая во внимание вмешательство церкви и религиозное осуждение алкоголизма. Покровительственное отношение к „биллю трезвости“ превратилось в вопрос благона-

дежности и приличия, в общественную и моральную норму поведения, против которой не осмелится выступить ни один „лояльный гражданин“.

Читатель, интересующийся народным хозяйством, задаст себе вопрос, как же Америка справилась с задачей использования многочисленных, ныне закрытых пивоваренных, винокуренных и водочных заводов? К какой новой роли она их приспособила, чтобы не пропадало национальное достояние, и куда пристроила семьдесят тысяч оказавшихся не у дела рабочих и служащих? Об этом имеется подробный материал. Прежде всего надо сказать, что после ратификации федеративного билля трезвости в 1919 г. проблема оказалась не столь трудной и безысходной в хозяйственном отношении уже потому, что целый ряд штатов успел еще несколько лет раньше ввести собственные запретительные нормы; в некоторых же из них это сделали отдельные самостоятельные графства и города. Таким образом было достаточно примеров быстрого и экономного перехода на другие производства остановленных в своих функциях алкогольных предприятий. В период проведения билля к первому июля 1919 г. было еще в ходу 177.790 питейных заведений, получавших свой товар из 669 пивоваренных и 74 водочных заводов, годом раньше их насчитывалось гораздо больше: 1.092 пивоваренных и 236 водочных заводов. Это резкая разница за столь короткий срок обусловлена тем, что многие из них, считаясь с предстоящей ратификацией билля и не дожидаясь его проведения в жизнь и насильственного закрытия алкогольных предприятий, заблаговременно и добровольно перешли на другие виды промышленности.

После вступления в силу билля все 74 существующих водочных завода, равно как и все пивоваренные заведения, были закрыты, не получив, разумеется, ни гроша возмещения. Из нескольких было образовано объединенное предприятие, изготавливающее, под строгим правительственным контролем, спиртные продукты для медицинских, технических, химических, фармацевтических и промышленных целей. Для характеристики

коммерческой изобретательности, проявленной при переводе производства на новую деятельность, можно привести в пример „питейный рай“, самый крупный в мире водочный центр—город Пеория в штате Иллинойс. Здесь промышленным трестом было приобретено и перестроено тринадцать водочных заводов, и в это предприятие было вложено 10 миллионов долларов. Ныне на месте прежнего винокурения производится алкоголь для надобностей индустрии и изготавливаются: питательные препараты, сиропы, мыла, фруктовые и овощные консервы, дрожжи и винный уксус; вместо прежних тысячи служащих алкогольных производств, в новом молодом деле работают четыре тысячи человек,—образец американской предприимчивости и американского темпа!

Так же обстоит дело с пивоваренными заводами. В своем подавляющем большинстве они использованы различными отраслями индустрии, так что едва ли где-либо осталась не пущенная в ход машина или часть инвентаря, и вряд ли где пропадает национальное богатство. Длинный список, воспроизводящий этот процесс нового приспособления, перечисляет все предметы, вырабатываемые прежними пивоваренными и винокуренными заводами. Использован ряд разнообразных возможностей: тут и мастерские дамского платья, перчаточные фабрики, конфектное производство, книгоиздательства, типографии и книжные склады, маслобойни и заводы безалкогольных виноградных напитков, все, вплоть до детских приютов и первоклассных отелей.

Несмотря на все эти достижения, в Америке раздаются многочисленные голоса противников „трезвого билля“. Врачи жалуются, что на здоровьи престарелого, слабого человека вредно отражается отнятие у него привычной рюмки вина или пива; они даже утверждают, что отсутствие алкоголя вызывает много гораздо более опасных недугов и пороков, чем потребление крепких напитков. Эти доводы нельзя игнорировать. Внезапное изъятие алкоголя среди населения целого ряда штатов, в большинстве систематически к нему

привыкшего, с психологической неизбежностью толкает на поиски других дурманов, которым отдается избыток жизненных сил и темперамента и в которых заключено противоядие от нервных потрясений беспокойной жизни. Поэтому в крупных городах увеличивается потребление крепкого черного кофе, что весьма нежелательно, в виду распространенности сердечных заболеваний в больших деловых центрах, особенно в Нью-Йорке.

Статистика показывает, что ежегодное расходование кофе в Соединенных Штатах с 1919 по 1920 г. повысилось с 929,2 миллионов фунтов до 1,36 миллиардов фунтов. Иначе говоря, каждый в среднем выпивает вместо 9 фунтов—12,9 фунтов кофе. Этим превзойдены самые высокие цифры довоенного потребления. Точно так же превосходит всякие границы принявшая фантастический размах страсть к танцам, многими исследователями тоже относимая на счет „трезвого билля“. В последнем, несомненно, чувствуется жестокость, как во всех драконовских мероприятиях, вторгающихся в личную жизнь каждого, не признавая различий и индивидуальных способов воздействия, не считаясь с частными потребностями и субъективными особенностями физической, психической и нервной организации. Притом следует принять во внимание условия различных профессий. Не приходится удивляться, если при опросе американских рабочих, довольно веское меньшинство, особенно среди горнорабочих, весьма неодобрительно отзывалось о билле. Шахтер, день за днем надрывающийся в тесных, душных подземных туннелях, когда, наконец, весь обливаясь потом и изнемогая, возвращается в царство дневного света, он испытывает потребность в укрепляющем, согревающем напитке. Он хочет в концентрированной дозе вбирать в себя свет и жизненную энергию, хочет почувствовать огонь в горле и в жилах. Ему недостаточно фруктовых сиропов и чая. Как ни важно и благотворно для здоровья воздержание—он страдает от недостатка привычного алкоголя, впадая в неудовлетворенность и уныние. Нельзя одним железным „запретом“ помочь народной массе, пытающейся

забыться в алкоголе, уйти таким образом от своего тусклого, безрадостного, тяжелого удела. К первому начинанию—уничтожению алкоголя—должны были присоединиться многие последующие шаги.

В конечном итоге „Prohibition Bill“, как закон, грешит далеко зашедшей тенденцией к нивелированию укоренившегося быта и грубо вторгается в хозяйственный и жизненный уклад. Слабая сторона его в том, что нигде не удалось и не удастся провести его в полном объеме. Но судьба всякого закона—вызывать противодействие, наталкиваться на попытки бойкота и тайного подкапывания со стороны им задетых. В пользу „билля трезвости“, однако, столько преимуществ, явных для каждого добросовестного критика, что все испытания и достижения в борьбе американского общества с „демоном алкоголя“ должны привлечь всестороннее внимание Европы в интересах внутренней политики, социальной гигиены, евгеники, народного хозяйства и криминалистики.

Одно очевидно для всякого наблюдателя: билль трезвости, как вытекает из всего вышесказанного, не есть произвольное юридическое построение, измышленное за зеленым сукном и навязанное строптивому или инертному народу. Он органически вырос из самой народной среды. Он возник из признания его необходимости, для предотвращения эксцессов и одичания в этом молодом государстве, представляющем собой еще не оформившийся конгломерат из всех народностей мира, со все новым притоком чуждых, разношерстных пришельцев, с огромной массой неграмотных, с далеко простирающимися прериями и еще недостроенными большими дорогами, по которым рыщут тысячи бродяг и искателей приключений. Борьба за „билль трезвости“ не носила в Америке узко партийного характера, и в сенате и в палате депутатов, среди всех фракций, как республиканцев, так и демократов, были поданы голоса и за, и против билля. Решение, одержавшее победу, по существу справедливо. Потому я и не полагаю, подобно многим другим, что билль окажется недолговечным. Надо помнить, что во многих штатах

настолько давно введен свой местный алкогольный „запрет“, что новому поколению уже не пришлось видеть открытой продажи спиртных напитков. Такое поколение, вместе с церковью, большинством женщин, обладающих избирательным правом и строго дисциплинированными антиалкогольными организациями, составили бы единый фронт против всякой попытки законодательного посягательства на „Prohibition Bill“. Завязалась бы борьба еще более ожесточенная, чем поднятая в свое время вокруг вопроса о серебряной монетной единице, когда дело доходило до прямых драк. Но возможно примирение лагерей, при допущении смягчения и компромиссов в применении билля. Существует довольно сильное течение в пользу разрешения ввоза и производства легких вин. Так, рассчитывают пойти навстречу требованиям медицины, не допуская, вместе с тем, того зла, которое причинялось ядовито тяжелым пивом и „огненной водой“ виски. Эти два напитка останутся изгнанными по крайней мере на целое поколение из пределов молодой, развивающейся Америки.
